

М. В. Шкаровский*

Из истории старообрядческой общины Громовского кладбища Санкт-Петербурга

Громовское кладбище Санкт-Петербурга во 2-й половине XIX — 1-й трети XX в. было одним из главных центров старообрядцев-поповцев Белокриницкого согласия в России. Свое название оно получило от богатых купцов Громовых, выходцев из подмосковного села Гуслицы. Братья Сергей и Федул Громовы вместе с московским купцом Федором Рахмановым задумали и финансировали сложную церковно-дипломатическую миссию по отысканию за границей православного епископа, который согласился бы перейти в старообрядчество и положить начало священнической иерархии. Из петербургского особняка Ф. Громова на Балканский полуостров был отправлен Петр Великодворский (в монашестве Павел Белокриницкий), человек ловкий и бесконечно преданный старой вере. В 1853 г. в Рогожской слободе (Москва) была создана Московская старообрядческая епископия, а к 1860 г. в Российской империи уже существовало 10 старообрядческих епархий. Центром Белокриницкой старообрядческой иерархии стало московское Рогожское кладбище¹.

Санкт-Петербургское кладбище старообрядцев-поповцев первоначально находилось на Волковом поле, но когда при императоре Павле I оно перешло к единоверцам, в 1825 г. Ф. Громов пожертвовал поповцам землю на южной окраине города, между Лиговским каналом и Тентелевой деревней, где в 1835 г. официально возникло новое старообрядческое кладбище. В 1844 г. в Петербурге после нескольких ревизий была закрыта действовавшая с 1811 г. единственная старообрядческая поповская моленная на Ивановской улице (в доме купца 1-й гильдии В. Ф. Королева). Вскоре после этого руководители общины обратились с ходатайством об открытии нового молитвенного дома на Громовском кладбище, где к этому времени была только деревянная

* © Шкаровский М. В., 2011

Михаил Витальевич Шкаровский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

будка для сторожа. Они просили «о дозволении построить молитвенный дом, взамен уничтоженной моленной в доме Королева, на их кладбище как единственном месте, где они уже имеют некоторую оседлость»². Ходатайство рассматривал чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел И. П. Липранди, известный гонитель раскола. Тем не менее он поддержал староверов и посоветовал своему ведомству отнестись к просьбе поповцев с «гуманностью и терпимостью». В результате после некоторых проволочек в 1844 г. здесь была построена и освящена деревянная церковь Успения Пресвятой Богородицы (Покровская) с главкой на 150 человек, куда из закрытой моленной на Ивановской улице перенесли иконы XVI в. и утварь³.

Таким образом, центр старообрядцев-поповцев столицы и всего Северо-Запада России переместился на Громовское кладбище. Вскоре здесь появился деревянный дом со службами, в 1867 г. петербургский архитектор К. К. Циглер построил еще один. В них помещались квартиры священников, главным образом выходцев из села Гуслицы, певчих, мужская и женская богадельни, общая столовая, пекарня, панихидная и даже гостиница для приезжих. В 1862 г. площадь некрополя была расширена. Улица, отделявшая Громовское кладбище от разросшейся территории соседнего Митрофаньевского православного кладбища, получила название Старообрядческой (ныне Ташкентская).

Во 2-й половине XIX в. прежде единая петербургская поповская община разделилась на 3 основных направления. За частью старообрядцев, не принявших Белокриницкую иерархию, укрепилось название беглопоповцев (принимающих священников, переходящих от новообрядческой Церкви); они организовали свой духовный центр в городе Новозыбкове Брянской губернии. В Санкт-Петербурге беглопоповцев было немного, главным образом выходцы из Нижнего Новгорода, которые в 1903 г. устроили церковь свт. Николая в одной из квартир пятиэтажного дома в Мало-Царкосельском проезде. В 1862 г. группа православных архиереев и мирян обратилась к старообрядцам с призывом к примирению с официальной Российской Православной Церковью и признанию ее апостольского преемства. Большинство старообрядцев-поповцев Белокриницкого согласия приняли положения этого «Окружного послания», образовав так называемое движение окружников, а часть отвергла их, получив наименование неокружников («раздорников»). Центр первых находился на Рогожском кладбище в Москве, а вторых — в подмосковном селе Гуслицы.

Молельня столичной общины неокружников после раскола 1862 г. разместилась в доме купца Александра на Ямской улице, в 1883 г. была переведена на Лиговскую улицу, в деревянный одноэтажный дом каретника Дмитриева, 27 марта 1907 г. община была зарегистрирована официально, а в 1909 г. одноэтажное здание (половину которого занимала молельня, а вторую половину — квартиры членов причта) стало флигелем нового дома Столичного строительного акционерного общества⁴. В начале 1915 г. неокружники приобрели новый участок земли недалеко от Лиговской улицы, в Чубаровом переулке (ныне Транспортный переулок, дом 5). В 1916–1917 гг. архитектор-ху-

дожник П. П. Павлов по проекту гражданского инженера В. А. Гартмана построил на этом участке новый каменный храм с одной главой в древнерусском стиле, венчающий колокольню. К концу 1917 г. церковь с жилыми помещениями для причта была готова и, вероятно, была освящена через несколько недель после Октябрьского переворота 1917 г. (здание сохранилось в перестроенном виде и сейчас реставрируется)⁵.

Громовское кладбище осталось за окружниками, на стороне которых выступило богатое петербургское купечество. Но хоронили на нем поповцев всех толков. В 1878 г. небольшая деревянная Успенская (Покровская) церковь была расширена двумя приделами (по некоторым сведениям, с участием мастеров из Белой Криницы), а в 1906 г. украшена звонницей. 19 ноября 1907 г. при ней была официально учреждена старообрядческая община⁶. Во 2-й половине XIX в. община Громовского кладбища не имела таких могущественных покровителей, как В. А. Кокорев у старообрядцев-поморцев или Е. С. Егоров у федосеевцев. Дети купцов Громовых и Сапожниковых приняли православие, многомиллионное состояние Громовых перешло к городскому голове Ратькову-Рожнову. Память о Громовых сохранялась лишь на носившем их имя кладбище. Главными жертвователями Громовского кладбища стали Е. Н. Дрябин и богатый царскосельский купец П. И. Чубыкин, который завещал 250 тыс. рублей на постройку при кладбище богадельни имени цесаревича Николая Александровича.

После смерти П. И. Чубыкина в 1882 г. Святейший Синод настаивал на размещении в планируемой богадельне православной церкви, но душеприказчики этому решительно воспротивились. На Забалканском проспекте, вблизи Московских ворот (ныне Московский проспект, дом 108), в 1892 г. был приобретен участок, в мае 1895 г. министр внутренних дел утвердил устав богадельни на 70 человек, а на присвоение имени «Чубыкинская» последовало «Высочайшее соизволение». Весной 1896 г. по проекту архитектора П. И. Гилева (по другим сведениям, В. П. Цейдлера или К. К. Циглера) началось сооружение трехэтажного здания богадельни, открытие которой из-за возникших конфликтов с Синодом состоялось только 15 декабря 1905 г., уже после манифеста 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», разрешившего староверам строить церкви с главами, звонницами и крестами⁷.

Домовый храм, согласно традиции, разместился на верхнем этаже (там же находился и зал для общинных собраний) и был освящен 8 ноября 1905 г. старообрядческим епископом Санкт-Петербургским и Тверским Виталием (Бажановым) во имя свт. Петра, митрополита Киевского и всея Руси, чудотворца, святого покровителя жертвователя Чубыкина. Первоначальный иконостас вырезал К. Штейнгольц, образа написал московский иконописец Н. М. Сафронов, утварь поставил Я. Машуков. По проекту Гилева домовый храм был в 1908 г. расширен, повышен на этаж и украшен звонницей, на что потребовалось 15 тыс. рублей. После расширения церкви иконостас заменили на больший, работы В. Е. Кондратьева, с дополнительными образами, написанными М. М. Тюлиным⁸.

21 декабря 1908 г. храм был повторно освящен, и хотя внутренняя отделка еще не была закончена (работы продолжались в 1909 г.), здесь состоялось торжественное богослужение по случаю престольного праздника, дня памяти свт. Петра, митрополита Киевского, и праздников Рождества Христова и Богоявления Господня. Службы вели члены причта Громовской общины — священники Василий Космачев, Прохор Назаров, Никита Швецов, диаконы Харлампий Марков и Иоанн Иголкин. Пели хоры певчих Громовского кладбища — смешанный и девичий, а также хор принадлежавшей Громовскому приходу церкви Воскресения Христова на Воронежской улице.

С самого начала назначение богадельни было многообразным. Основной функцией являлось «бесплатное призрение 70 человек, лишенных крова, престарелых и увечных обоюбого пола, без различий и сословий». Кроме того, принимались платные пенсионеры, вносившие от 10 до 15 рублей в месяц за полное иждивение. Отдельные «посторонние» благотворители учреждали от своего имени и для выбранных ими людей постоянные (вечные) кровати, внося сумму, достаточную для того, чтобы проценты покрывали стоимость их содержания. Всего в богадельне проживало до 200 человек. Ее помещения могли использоваться и для временного размещения лиц, например, в 1914 г. здесь поселили приехавших для выступления учащихся Московского старообрядческого института во главе с директором А. С. Рыбаковым, а в начале Первой мировой войны устроили лазарет для раненых⁹.

Богадельня управлялась, согласно уставу, комитетом из 6 членов, избираемых прихожанами Громовского кладбища. Длительное время в состав комитета входили В. Ф. Наумов (он же попечитель), И. Е. Богданов (его помощник), П. П. Духинов, Ф. С. Степанов (казначей Громовской общины), П. А. Голубин (председатель совета общины) и диакон Иоанн Кабанов. Устав богадельни был пересмотрен в 1908 г., первоначально на общем собрании членов Громовской общины, затем на трехсоставном совещании — комитета богадельни, совета общины и приглашенных прихожан под руководством епископа Кирилла. Предметом рассмотрения являлись мера самостоятельности комитета, а также необходимость увеличить неприкосновенный капитал на 125 тыс. рублей путем перечисления из денег запасного капитала. Вторая (неудавшаяся) попытка пересмотра устава была предпринята в 1915 г. Собственность богадельни в 1908 г. определялась в 676 тыс. рублей; в том числе здание с усадьбой в 300 тыс. рублей и процентные бумаги на 350 тыс. рублей. В 1915 г. по предложению епископа Геронтия при богадельне было создано благотворительное общество, помогавшее в основном пострадавшим на фронтах Первой мировой войны¹⁰.

При богадельне содержалась начальная старообрядческая школа, где дети (40–50 человек) не только получали бесплатное образование, пособие, завтраки, но и подарки к праздникам. Комитет богадельни занимался просветительской деятельностью. По воскресным и праздничным дням устраивались чтения и песнопения. На торжественные собрания приглашались представители других согласий, бывали гости из Москвы, среди которых известные старообрядческие деятели — Рябушинский, Бриллиантов, братья Мельниковы.

Участие в чтениях принимали епископ Геронтий, священники Громовской, Никольской Охтенской и Кронштадской общин. Так, например, на вечере памяти первого белокриницкого митрополита Амвросия, проходившем 29 ноября 1914 г., были заслушаны доклады В. Е. Мельникова «Искание старообрядцами епископа» и Ф. Е. Мельникова «Белокриницкий митрополит Амвросий» и «Промысел Божий в судьбах старообрядческой иерархии». Устраивались вечера и в честь значимых общественных событий, например в 1911 г. в честь 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости. Таким образом, Чубыкинская богадельня постепенно превращалась в духовный епархиальный центр, с 1911 г. здесь проходили съезды Петроградско-Тверской епархии и начало свою деятельность Петроградское братство святых верховных апостолов Петра и Павла¹¹.

К 1912 г. в Санкт-Петербурге насчитывалось около 10 тыс. старообрядцев (в основном беспоповцев), в том числе 3,5 тыс. поповцев, среди них 2200 окружников — последователей Белокриницкого согласия, объединенных в 3 общины: на Громовском кладбище, при церкви свт. Николая Чудотворца на Большой Пороховской улице (в районе Большой Охты) и при церкви Воскресения Христова на Воронежской улице (между Глазовой улицей и Сайкиным переулком), имевших 10 священников, и 1300 неокружников, в храмах которых в Чубаровом переулке и на Лиговской улице служили 2 священника. Устроителем церкви Воскресения Христова на Воронежской улице был громовский прихожанин Ф. С. Степанов. В 1909 г. он возвел на принадлежавшем ему участке земли по проекту архитектора В. А. Липского двухэтажное здание, верхний этаж которого занимал храм, освященный в 1910 г. во имя Воскресения Христова, а нижний — помещения для причта и призреваемых¹². При Громовском кладбище размещались благотворительное епархиальное братство, старообрядческая библиотека имени епископа Виталия (Бажанова), начальная школа и школа певчих. В начале XX в. Громовскую общину возглавляли П. А. Голубин, владелец магазина готового платья, и торговцы клеенкой Ф. П. Федоров и Ф. Ф. Наумов. В Чубыкинской богадельне, как уже говорилось, в 1910-х гг. проходили регулярные епархиальные съезды. Громовское кладбище также являлось резиденцией епископа и центром столичной Санкт-Петербургско-Тверской епархии Белокриницкого согласия.

Следует отметить, что постановление Освященного Собора об открытии Санкт-Петербургско-Тверской епархии было принято еще 21 августа 1901 г., а 27 июля следующего года на Освященном Соборе старообрядческих епископов в Туле рассматривалось прошение христиан Санкт-Петербурга о переводе к ним епископа Уральского Арсения, однако прошение оставили без удовлетворения «вследствие того, что еп[ископ] Арсений не изъявляет на это своего согласия». Приходам епархии было предложено просить священника из города Егорьевска Московской губернии о. Василия Бажанова «или другого кого». В результате в декабре 1903 г. на Освященном Соборе старообрядческих епископов в Харькове священник Василий Бажанов был избран во епископы на «Тверскую, С[анкт]-Петербургскую, Псковскую и Новгородскую

епархию». 9 апреля 1904 г. состоялось рукоположение епископа Виталия (Бажанова), но уже 14 марта 1906 г. он скончался. 23 июня 1907 г. временное управление Санкт-Петербургско-Тверской епархией было поручено епископу Одесскому Кириллу, а 25 августа 1910 г. — епископу Рязанскому и Егорьевскому Александру¹³.

Некоторое время Санкт-Петербургско-Тверскую епархию возглавлял перешедший 20 октября 1907 г. в старообрядчество бывший профессор Санкт-Петербургской Духовной академии архимандрит Михаил (Семенов; 1874–1916 гг.), активный участник религиозно-философских собраний 1901–1903 гг. 22 октября 1908 г. присоединивший о. Михаила к старообрядчеству епископ Нижегородский Иннокентий (Усов) единолично совершил его хиротонию во епископа Канадского. Однако в Канаде владыка Михаил служить не стал и жил в основном в Петербурге, несколько лет находясь под запрещением священнодействовать. Скончался епископ Михаил 27 октября 1916 г. и был торжественно похоронен по архиерейскому чину на Рогожском кладбище в Москве. До настоящего времени он считается старообрядцами одним из наиболее выдающихся архиереев Белокриницкого согласия¹⁴.

Не менее яркой фигурой был последний предреволюционный епископ Санкт-Петербургский и Тверской Геронтий (в миру Григорий Иванович Лакомкин). Будущий архиерей родился 1 августа 1872 г. в селе Золотилово Вычугской волости Нерехтского уезда Ивановской губернии в семье священника. Приход был небогатый, и семья жила преимущественно собственным крестьянским хозяйством. Отец Григория, священник Иоанн Лакомкин, с юности страдал чахоткой и скончался в 1887 г., когда Григорию было всего 15 лет. Тогда же односельчане избрали на место почившего отца Иоанна его старшего сына, 20-летнего Георгия, который и был вскоре рукоположен в священник сан (второй брат Иван родился глухонемым). В этих условиях младший брат Григорий, уже окончивший сельскую начальную школу, с особым усердием стал заниматься церковным чтением. Со временем он приобрел большую начитанность, и в зимнее время по просьбам односельчан обучал детей прихожан церковному чтению и пению. С самого детства Григорий отличался высоким христианским смирением. В 24 года мать нашла ему невесту и твердо заявила: «Я благословляю тебя жениться на этой девушке». Несмотря на то что Григорий даже не был толком знаком с ней, он решил подчиниться воле матери, веря в слова Библии, что «благословение родителей утверждает дома чад». Так и получилось. В 1896 г. Г. И. Лакомкин женился на Анне Дмитриевне, ставшей ему верной помощницей во всех делах¹⁵. На страницах своих воспоминаний епископ Геронтий впоследствии писал: «Когда был совершен чин венчания, то между сочетавшимися обнаружилась какая-то особая, неопишуемая любовь, каковая была между ними неизменна и до самой смерти».

В 1899 г. Григорий был призван в армию, где прослужил 4 года, сначала в пехоте, а затем писарем. После возвращения с воинской службы он служил уставщиком в своем родном храме. Через 3 года, 14 мая 1906 г., Григорий Иванович был рукоположен во диакона, а через неделю — епископом Иннокен-

тием в священника на приход села Стрельниково. С первой своей службы отец Григорий начал проповедовать. Будучи от природы общительным и любознательным, он чтением священных книг и учительскими трудами развил свои природные дарования в ярко выраженный дар слова, и после священнической хиротонии этот дар проявился в нем с особой силой.

Приход, в котором начал свое служение отец Григорий, не был богатым и благополучным. Но молодой пастырь прежде всего взялся не за устройство своего дома, а за ремонт обветшавшего храма. Он не только принял на себя руководство, но и сам наравне с другими участвовал во всех строительных работах. Одновременно в своих проповедях священник призывал прихожан проявить усердие и принять посильное попечение о храме. Вначале помощников было мало, но видя искреннее усердие пастыря, приход стал просыпаться, на церковной стройке день ото дня собиралось все больше христиан. В итоге менее чем за 2 года храм был отреставрирован, перестроен и расширен. Однако о. Григорий на этом не остановился и в последующие 2 года открыл при своем приходе 4-летнюю школу грамоты на 100 человек, а в 1911 г. — школу знаменного пения. Затем с помощью земства отстроил для этих школ новые здания (где сам преподавал Закон Божий и основы богослужения). За свою пастырскую активность и авторитет среди окружающего населения о. Григорий несколько раз оказывался под следствием по обвинению в «сворачивании православных в раскол», однако ему удавалось доказать свою невиновность, и лишь один раз губернский суд сделал священнику выговор¹⁶.

17 сентября 1908 г. о. Григорий овдовел, на его руках остались 2 малолетних сына — Геннадий 3 лет и Анатолий 1,5 лет, через 3 месяца младший сын умер. Между тем молва о духовных подвигах костромского священника распространилась далеко за пределы епархии и достигла Петербурга. В 1911 г. о. Григорий был выдвинут в кандидаты на принятие епископского сана от овдовевшей к тому времени Санкт-Петербургской и Тверской епархии. Ссылаясь на малоопытность, слабое здоровье и множество незавершенных приходских дел, он категорически отказывался. Однако представители Петербургской епархии, не удовлетворившись его отказами, известили священника о том, что будут обращаться со своим ходатайством на Освященный Собор¹⁷.

Прибыв в Москву, о. Григорий продолжал отказываться от архиерейства, думая, что Собор примет во внимание его доводы. Но 25 августа 1911 г. Освященный Собор старообрядческих епископов постановил избрать священноиерея Григория Ивановича Лакомкина кандидатом во епископа столичной Санкт-Петербургско-Тверской епархии. В декабре 1911 г. он был возведен в сан протоиерея, 27 февраля следующего года епископ Ярославский и Костромской Игнатий в присутствии епископа Нижегородского Иннокентия в Нижнем Новгороде совершил чин пострижения о. Григория в священноиноки с наречением имени Геронтий, а 11 марта 1912 г. в Успенском храме Громовского кладбища Петербурга при большом стечении молящихся старообрядческий архиепископ Московский и всея Руси Иоанн в сослужении епископа Рязанского и Егорьевского Александра

рукоположил священноинока Геронтия во епископа Санкт-Петербургского и Тверского¹⁸.

Одним из первых архиастырских дел новопоставленного архиерея стало строительство кафедрального храма. Небольшая деревянная Успенская церковь Громовского кладбища оказалась слишком мала для прихожан. С присущей ему энергией епископ Геронтий активно взялся за работу. Уже в 1912 г. на кладбище началась постройка очень выразительного каменного двухэтажного храма Покрова Пресвятой Богородицы на 2 тыс. человек. Его проект в неорусском суздальском стиле выполнил Н. Г. Мартьянов, архитектор-старообрядец из Москвы. Место для строительства храма было выбрано на административной стороне кладбища, где к тому времени уже находились дом епископа с большим садом, квартиры для священников, гостиница для приезжих, дом для певчих и хора, пекарня, богадельня, школа и построенный на средства Громовской общины в 1912 г. свечной завод¹⁹.

Стены храма были возведены уже в 1913 г., 13 октября на его купола были подняты 5 крестов. 16 ноября 1914 г. епископ Геронтий освятил небольшой придел св. апостола Иакова с трехъярусным иконостасом под шатровой колокольной, сооруженный на средства столичных купцов братьев Головиных. На колокольне помещались 9 колоколов общим весом 520 пудов (большой — 320 пудов, средний — 103 пуда). 4 января 1915 г. в сослужении многочисленного духовенства (12 священников, 4 диакона) и в сопровождении 2 хоров певчих 5 епископов — Петроградский и Тверской Геронтий, Рязанский и Егорьевский Александр, Одесский и Балтский Кирилл, Нижегородский и Костромской Иннокентий и Донской Геннадий освятили главный Покровский придел, но боковые остались неосвященными²⁰. Освящение нижнего храма задержалось, так как выяснилось, что первый этаж временами заливается водой. Однако к осени 1919 г. нижний храм все-таки был освящен во имя св. архангела Михаила. В его деревянном, обитом басмой иконостасе находилась 21 икона. Всего же в храме было 93 образа²¹.

В вырезанном из дуба резчиками Рогожского кладбища на средства петроградца К. Г. Некрасова пятиярусном иконостасе главного придела в соответствии с традицией были помещены 89 старинных икон XV–XVI вв., частично взятых из старой Успенской (Покровской) церкви, полученных в дар от М. Ф. и Е. Е. Федоровых или купленных у старообрядцев. Среди них выделялись Владимирская икона Божией Матери, образы св. Иоанна Крестителя, свт. Николая Чудотворца с житием XVI в., икона Покрова Пресвятой Богородицы и подписная икона «Преподобная Мария Египетская с житием в 16 клеймах», исполненная в 1804 г. мастером И. В. Богатыревым. Два паникадила (большое и малое), 16 лампад и 14 медных позолоченных подсвечников были изготовлены в начале XX в. в Москве, но стилизованы под старину. После постройки каменного храма деревянная Успенская (Покровская) церковь была сохранена, ее использовали в зимнее время и для панихид (в церкви находилось 154 иконы, 18 висячих лампад, 10 подсвечников, 4 аналоя и 2 паникадила). Ежегодно 1 августа, в первый Спас, крестный ход для водосвятия шел на кладбищенский пруд или через весь город, на Неву²². Ста-

рина и новизна «под старину» настолько удачно сочетались в каменной Покровской церкви, что в начале 1920-х гг. она была взята под охрану обществом «Старый Петербург».

Освящение кафедрального Покровского храма положило начало общецерковному признанию архиерейских трудов епископа Геронтия. Все годы своего архиерейского служения владыка энергично участвовал в строительстве и реконструкции храмов. В Санкт-Петербургско-Тверской (Петроградско-Тверской) епархии в годы его служения были построены более 15 храмов и основан монастырь, где подвизались 50 иноков. Особое внимание епископ Геронтий уделял также вопросам духовного образования. Его трудами были учреждены 16 училищ в различных приходах Петроградско-Тверской и Костромской епархий. На 2-м и 3-м епархиальных съездах (в 1912 и 1913 гг.) по инициативе епископа Геронтия активно обсуждался вопрос об обучении детей грамоте и пению. В Петрограде в это время были созданы 4 хора, в том числе детский в училище при Громовском кладбище. В 1915 г. старообрядцы поставили вопрос об учреждении Московской митрополии и переносе кафедры архиепископа в Петроград, однако разрешения он не получил. К 1917 г. из поповцев только представители Белокриницкого согласия имели свою трехчинную иерархию (диаконы — иереи — архиереи).

Февральскую революцию 1917 г. гонимые в Российской империи старообрядцы в основном приветствовали, но к Октябрьскому перевороту по большей части отнеслись негативно. В 1918 г. в старообрядческом журнале «Голос Церкви» появилась статья «Социализм и старообрядчество», где говорилось о безрелигиозных корнях социализма как политико-экономического учения²³. В это же время в журнале было опубликовано пастырское послание главы Старообрядческой Церкви Белокриницкого согласия архиепископа Мелетия, который видел в русской революции разгул диких страстей и низменных инстинктов. Владыка призвал православных христиан ополчиться против врагов Божиих не вещественным, а духовным оружием²⁴.

До практической реализации положений декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Петрограде дело дошло в конце 1918 — начале 1919 гг. В самый разгар «красного террора» Совет комиссаров Союза коммун Северной области в своем постановлении от 2 декабря 1918 г. потребовал от всех приходских общин под угрозой революционного суда предоставить в двухнедельный срок сведения о капиталах, инвентарные описи богослужебного имущества и немедленно передать советам собственность, не предназначенную для богослужебных целей. Для регистрации в райисполкомах Петрограда приходские общины с 20 декабря 1918 г. должны были в короткий срок предоставить свои уставы, протоколы собраний об их принятии, списки своих членов и членов приходского совета²⁵. В соответствии с этим постановлением 23 февраля 1919 г. были отчуждены церковные земли и дома Громовской общины²⁶.

Через месяц руководство Нарвского райсовета приняло постановление о закрытии старообрядческой церкви свт. Петра, митрополита Киевского, при Чубыкинской богадельне. Большая часть многочисленных домовых храмов

Петрограда, на которые обрушился первый удар советских властей, были закрыты именно в 1918–1919 гг. Дело в том, что 7 августа 1918 г. Совет комиссаров Союза коммун Северной области принял постановление о ликвидации практически всех домовых церквей и часовен: «1. Домовые церкви и часовни всех исповеданий, существующие при учено-учебных и воспитательных заведениях всех степеней, а также при всех правительственных учреждениях подлежат ликвидации в срочном порядке к 10 августа сего года, а в исключительных случаях, установленных Отделами народного образования, не позже 20 августа сего года. 2. Церковные помещения подлежат использованию в интересах учащихся для научных и учебных целей. 3. Церковное имущество ликвидируется по указанию Отделов по церковным и религиозным делам при Совдепах, и суммы, вырученные от его ликвидации, поступают в распоряжение учебного заведения на пополнение его специальных средств, и предназначены на расходы по реализации школьной реформы. 4. Настоящее постановление осуществляется под контролем Отдела народного образования и вступает в силу с момента опубликования в официальных советских органах (это произошло 8 августа.— *М. III.*)»²⁷. Причем единственным существенным признаком, определявшим, приходским или домовым является храм, указывалось не наличие групп прихожан и не ведение метрических книг при церквях, а то, что он занимает особое здание (помещение), специально предназначенное для богослужбных целей и изолированное от какого-либо жилья и учреждений.

Вскоре после принятия постановления о закрытии церкви свт. Петра при Чубыкинской богадельне 6 апреля 1919 г. совет Громовской старообрядческой общины (под председательством Е. Чернова), пытаясь исправить ситуацию, направил в гражданский отдел Нарвского райсовета ходатайство с просьбой приостановить закрытие церкви: «Совет Громовской старообрядческой общины настоящим доводит до Вашего сведения, что церковь, находящаяся в Чубыкинской богадельне, устроена и оборудована средствами и трудами наших прихожан. Все находящееся в ней имущество мы просим, согласно декрета об отделении церкви от государства, передать в наше дальнейшее пользование для отправления религиозных обрядов. Вместе с сим, мы, выбранный орган прихода, просим Гражданский отдел задержать проведение в жизнь своего постановления и дать нам возможность встретиться в церкви при Чубыкинской богадельне светлые дни Пасхи»²⁸. Вторая часть просьбы была выполнена; церковь свт. Петра закрыли 12 сентября 1919 г.²⁹

В ответ на запрос отдела ЗАГС Московского райсовета от 18 сентября 1919 г. совет Громовской общины через 2 дня предоставил властям 3 метрические книги за 1917–1918 гг., уведомив, что более ранние книги (с момента официального основания общины в 1907 г.) были сданы в канцелярию Петроградского градоначальника. 18 октября отдел ЗАГС прислал новое требование о предоставлении всех имеющихся бланков и выписок из метрических книг, и на следующий день совет общины передал 73 выписки о родившихся, 56 о бракосочетавшихся и 99 об умерших³⁰.

26 сентября совет Громовской общины переслал в гражданский отдел Нарвского райсовета (в ответ на запрос от 18 сентября) 3 экземпляра инвентарной описи церковного имущества храмов кладбища и известил отдел, что процентные бумаги (на 63 380 рублей), дома, земли и вообще все недвижимое имущество уже находится в ведении Комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной области (СКСО), Чубыкинская богадельня — в ведении Комиссариата социального призрения СКСО, метрические книги сданы в отдел ЗАГС, а количество прихожан общины составляет 3–4 тыс. человек³¹.

19 октября 1919 г. состоялось общее собрание прихожан храмов Громовского кладбища, постановившее подписать договор с представителем Московского районного совета о принятии церквей и их имущества в свое пользование. Сразу же после окончания собрания был заключен типовой договор о передаче Покровской церкви в бессрочное и бесплатное пользование старообрядческой общине. В этот же день были составлены списки членов Громовской общины и новая инвентарная опись имущества каменной и деревянной Покровских церквей, переданные в районный совет. Под договором и инвентарной описью подписались 130 человек, в том числе настоятель храмов протоиерей Василий Космачев (живший при кладбище), протодиакон Харламший Марков и диакон Иоанн Кабанов³².

21 декабря 1919 г. новое общее собрание прихожан храмов Громовского кладбища в присутствии представителя Московского райсовета единогласно выбрало 26 членов церковно-приходского совета, в том числе 3 священнослужителей — протоиерея Василия Космачева, протодиакона Харлампия Маркова и диакона Иоанна Кабанова. Вечером того же дня члены приходского совета на своем собрании избрали председателем совета типографского мастера С. Е. Балакина, товарищем председателя — извозопромышленника Л. С. Гордеева, казначеем — служащего М. М. Герольского, секретарем — ассистента-химика Географического института И. Г. Лакомкина (племянника епископа Геронтия), а также нескольких членов хозяйственной и ревизионной комиссии. 25 декабря этой «двадцатке» официально передали в пользование церковное имущество³³. В конце 1919 г. епископ Геронтий был арестован ЧК в городе Егорьевске Московской губернии, 2 месяца содержался в Бутырской тюрьме и после многочисленных ходатайств старообрядцев был освобожден без суда³⁴. Сразу после освобождения, в сентябре 1920 г., епископ председательствовал на первом после Октябрьской революции епархиальном съезде, проходившем в Ржеве³⁵.

4 сентября 1921 г. общее собрание членов Громовской общины выбрало новый состав церковно-приходского совета из 21 человека (в том числе протоиерея Василия Космачева, священника Самуила Фомичева, протодиакона Харлампия Маркова). Председателем был избран С. Е. Балакин, а товарищем председателя — И. Г. Лакомкин. 29 января 1922 г. общеприходское собрание выбрало новый церковно-приходский совет, на этот раз из 11 человек, и в тот же день члены совета избрали председателем снова С. Е. Балакина, товарищем председателя И. Г. Лакомкина, казначеем служащего Ф. И. Грудинина, церковным старостой Л. С. Гордеева и секретарем И. Г. Абрамова³⁶.

Весной 1922 г. И. Г. Лакомкин, который уже около 7 лет возглавлял приходской совет Громовской общины, стал исполнять обязанности председателя³⁷. В начале 1920-х гг. произошли изменения и в составе причта. В Покровских храмах стал служить священник Самуил Фомичев, а в храмах Громовского кладбища вместо о. Иоанна Кабанова — диакон Онисим Цветков, возведенный вскоре в сан протодиакона³⁸.

20 февраля 1922 г. заведующий районным церковным столом отправил в совет Громовской общины записку с просьбой срочно сообщить, хотят ли старообрядцы взять инвентарь церкви Чубыкинской богадельни (который будет увезен ввиду ликвидации всех закрытых домовых храмов) в какую-либо приходскую церковь, подчеркнув, что при передаче инвентаря необходимо будет сделать пожертвование в пользу голодающих Поволжья³⁹. В тот же день общеприходское собрание решило добиваться открытия церкви свт. Петра при Чубыкинской богадельне. 19 марта состоялось еще одно общее собрание членов Громовской общины, и была проведена проверка инвентаря Покровских церквей⁴⁰.

В начале апреля руководство Громовской общины направило заведующему отделом управления Петрогубисполкома Кондратьеву заявление с просьбой обустроить для общины половину здания Чубыкинской богадельни, обещая взять на себя ее полное содержание: «Узнав об отклонении нашего ходатайства относительно открытия церкви при Чубыкинской богадельне, вторично просим отделить нам старообрядческую половину Чубыкинской богадельни по следующим дополнительным соображениям: к совету общины на днях обратились со слезной просьбой старушки, жившие ранее в Чубыкинской богадельне и переселенные на Волковскую улицу в беспоповскую старообрядческую богадельню, дать им где-нибудь помещение для жилья, так как беспоповцы берут богадельню, в которой они теперь живут, на свое содержание и выселяют наших старушек на все четыре стороны. Всесторонне обсудив этот вопрос, прихожане Громовского кладбища решили приютить этих старушек, но не имеют в данное время помещения, приспособленного для их размещения. Общее собрание решило взять содержание помещения, ремонт его и исполнение всех прочих обязательств по половине здания Чубыкинской богадельни, представляемой общине, на себя. Представив эти дополнительные соображения, общество старообрядцев выражает твердую надежду, что ходатайство будет удовлетворено, так как нами выражено желание придти на помощь Республике в призрении беспомощных инвалидов»⁴¹.

4 апреля Кондратьев написал на заявлении резолюцию: «Московскому районному отделу управления для выяснения на месте и сообщения заключения». Но в своем рапорте от 5 апреля в отдел управления Московского райисполкома заведующий районным церковным столом Михайлов отметил, что целью Громовской общины является открытие церкви при богадельне, которая станет «доходной статьей»; на эти доходы старообрядцы якобы «полагают содержать старушек, открыв в том доме богадельню, и если в открытии церкви им откажут, и богадельню открывать не будут, хотя об этом в своем

заявлении община умалчивает». Михайлов считал необходимым вызвать исполняющего обязанности председателя приходского совета И. Г. Лакомкина и выяснить, как старообрядцы «мыслят открыть богадельню, и согласятся ли открыть ее, когда в открытии домово́й церкви им будет отказано»⁴². В результате планы возрождения старообрядческой богадельни остались нереализованными.

Развернутая весной 1922 г. кампания изъятия церковных ценностей затронула и храмы Громовского кладбища. Так 17 апреля было заключено соглашение между председателем районной подкомиссии по изъятию церковных ценностей В. А. Шляковым и представителями церковноприходского совета Громовской общины о том, что они к 22 апреля обязуются дать сведения о ценностях, которые желают выкупить, и к 28 апреля должны заменить их соответствующим металлом такого же веса⁴³.

19 апреля был составлен акт определения веса серебряных предметов в Покровских храмах, при этом общий вес ценностей определили в 2 пуда 17 фунтов. В заявлении от 21 апреля на имя Шлякова совет Громовской общины сообщил, что «из ценностей, кроме св[ященных] сосудов, находящихся в храмах общины, желательно оставить ризы на запрестольных иконах: Крест, Спаситель и Богородица (всего 12 фунтов), на полотняных царских воротах (около 6 фунтов), на хоругвях (около 4 фунтов) и несколько стильных художественной работы лампад (общий вес 11 фунтов), взамен которых будет внесено эквивалентное количество серебра, собранного с верующих»⁴⁴.

28 апреля члены районной подкомиссии во главе со Шляковым изъяли из Покровских церквей большую часть находившихся там ценностей общим весом 2 пуда 7 фунтов: 50 риз с икон, 10 венчиков и 27 лампад с цепями. На следующий день эти предметы были сданы в финансовый отдел Петрогубисполкома (часть ценностей члены общины выкупили)⁴⁵. Кроме того, 6 и 12 апреля из церкви свт. Петра, митрополита Киевского, при Чубькинской богадельне были изъяты серебряные предметы общим весом 2 пуда 6 фунтов 24 золотника⁴⁶. 4 июля совет Громовской общины подал заявление в районный отдел управления о выдаче ему церковных книг из закрытой домово́й церкви Чубькинской богадельни и 5 июля действительно получил 59 книг⁴⁷.

12 сентября по требованию властей была составлена регистрационная карточка общины Покровской церкви, в которой перечислялись 20 членов приходского совета: 2 священнослужителя, 7 служащих, 5 рабочих, 3 извозчика, иконоторговец, типограф и могильщик Громовского кладбища. В состав причта по-прежнему входили протоиерей Василий Космачев, священник Самуил Фомичев, протодиакон Харлампий Марков и диакон Онисим Цветков, все они жили на Старообрядческой улице; там же жили псаломщик Агапит Колесов и просфорня и уборщица Екатерина Охотина. К регистрационной карточке общины были приложены справки о несудимости членов «двадцатки» и священнослужителей Покровской церкви, а также регистрационные карточки последних⁴⁸. Была составлена опись колоколов каменной Покровской церкви. Всего имелось 11 колоколов общим весом 544 пуда 30 фунтов (около 9 т), при этом 2 больших колокола весили 320 пудов 10 фунтов и

103 пуда, 4 средних — от 15 до 47 пудов, а 5 малых — от 20 фунтов до 7 пудов. 26 октября был составлен новый договор о передаче Покровской церкви в пользование общины, к которому прикладывался очередной список членов «двадцатки» и священнослужителей⁴⁹.

Тогда же было принято решение о ликвидации церкви свт. Петра (под этим термином тогда понимали лишение церковного помещения всяких признаков храма) в бывшем здании Чубыкинской богадельни, которое в то время занимал 162-й детский дом. В связи с этим над церковным имуществом нависла угроза уничтожения, и 25 октября совет Громовской общины обратился в стол регистрации обществ и союзов Московско-Нарвского райсовета с ходатайством о выдаче ему из инвентаря церкви св. Петра паникадил, плащаницы, подсвечников, кадил, свечного ящика и шкафов для облачений. На следующий день заведующий столом регистрации И. С. Кедик составил резолюцию о том, что богослужебные предметы и иконы могут быть выданы общине бесплатно, а инвентарь (свечной ящик и шкафы) необходимо выкупить⁵⁰.

Между тем 31 октября Кедик передал часть церковного имущества заведующей хозяйством детского дома А. Ф. Богданович, после чего опечатал помещение храма. Получив официальное разрешение, представители общины 5 ноября пришли в церковь свт. Петра и вывезли оставшееся имущество. 22 ноября совет Громовской общины написал в стол регистрации райсовета о том, что в компенсацию за получение имущества из церкви Чубыкинской богадельни он обязуется снять колокола с колокольни и доставить их на склад районного отдела управления⁵¹. Несмотря на существовавшую ранее договоренность, Кедик 4 декабря составил акт установления факта незаконного вывоза имущества из церкви свт. Петра представителями Громовской общины, в котором говорилось: «8-го ноября с[его] г[ода] зав[едующая] хоз[яйством] Богданович, придя в отдел управления, заявила лично, что в церкви, помещающейся при детском доме, сломана печать, и все имущество вывезено. Взлом и вскрытие производились троими гражданами, которые гр[ажданке] Богданович были неизвестны, но она, видя ту печать с крестом, которую неизвестные граждане наложили, полагала, что это священники. Когда Богданович, зайдя в церковь, спросила, почему вывозят имущество и есть ли на это разрешение, ей ответили, что им разрешено вывезти все имущество из церкви, но неизвестные гр[аждане], находясь в возбужденном состоянии, отвечали ей грубо и попросили выйти из церкви... Мною, заведующим столом И. С. Кедик[ом], выяснено, что вывозом имущества руководил товарищ председателя приходского совета Громовской старообрядческой церкви Иван Георгиевич Лакомкин, проживающий [по адресу:] Старообрядческая-6, который действительно просил меня, завед[ующего] столом, выдать церковное имущество, на что мною было дано согласие выдать только иконы и церковные книги, но Лакомкину не было дано законного разрешения на получение богослужебных предметов. В ответ на просьбу гр[ажданина] Лакомкина, мною, зав[едующим] столом, был дан ответ, что на получение икон и книг из церкви будет дано распоряжение зав[едующей] хозяйством 162-го детского

дома Богданович, но Лакомкин не нашел нужным иметь законного разрешения и, придя с другими лицами, сломал печать и вывез все, без исключения, имущество, которое считается государственным достоянием. При сем предлагается описать вывезенного имущества, подлежащего возврату или же оплате стоимости. Виновных привлечь к законной ответственности за незаконные действия»⁵².

7 декабря совет Громовской общины сообщал в стол регистрации райсовета о том, что в числе вывезенных из церкви Чубыкинской богадельни в Покровский храм икон и утвари оказалась Иерусалимская икона Божией Матери и настенные английские часы с наклейками Музейной комиссии⁵³. Однако вскоре последовали репрессии. Лакомкин был привлечен к судебной ответственности по делу «двадцатки» Громовской общины и в начале 1923 г. приговорен народным судом по обвинению «в сокрытии церковных ценностей» к 3 месяцам принудительных общественных работ⁵⁴.

В конце 1922 — начале 1923 г. большая часть вывезенных из церкви свт. Петра предметов была изъята у Громовской общины районными властями. К марту 1923 г. подсвечники и «металлический лом» из этой церкви передали для переплавки на ремонтно-строительный завод, церковные облачения, ковры, дорожки и прочие вещи — на склад хозяйственного отдела Московско-Нарвского района (где они находились до конца 1920-х гг.). 8 колоколов общим весом 101 пуд 37 фунтов были переданы на переплавку в Электромаштрест. Помещение же церкви свт. Петра использовалось в качестве актового зала детского дома, а с 1926 г. — школы, при этом звонница храма была уничтожена⁵⁵.

Давление органов власти на Громовскую общину нарастало. Так, 15 ноября 1922 г. районный отдела управления указал председателю приходского совета Покровской церкви Лакомкину на необходимость извещать обо всех молитвенных собраниях за 3 дня до их проведения для получения необходимого разрешения⁵⁶. 8 декабря стол регистрации райсовета вновь потребовал сдать все метрические книги за дореволюционный период. В ответном отношении совета Громовской общины от 12 декабря говорилось, что «с основания общины, т. е. с 1907 года, в силу ст[атьи] 42 правила 17-го октября 1906 г. о старообрядческих общинах, все метрические книги ежегодно по 1917 год сдавались в канцелярию бывшего градоначальника гор[ода] Петрограда. До образования же общины все акты записывались нашими священнослужителями в свои памятные книги, и эта запись продолжается ими и в настоящее время. Эта мера вызывается требованием наших законов, которые запрещают совершать церковные таинства между родственными семействами, а для установления же этих последних необходимо иметь таковые записи»⁵⁷. Однако 27 декабря заведующий столом регистрации райсовета написал председателю совета Громовской общины о необходимости сдать к 30 декабря памятные книги записей актов рождений, браков и смерти за 1907–1917 гг. Совет общины отказался уступить давлению властей, и 29 декабря 1922 г. сообщил в стол регистрации о том, что памятные книги священников ни в коем случае не могут быть сданы, так как они нужны для разбора родственных связей

при совершении церковных таинств, и могут быть сделаны лишь копии книг, да и то за счет райсовета⁵⁸.

После окончания Гражданской войны стало очевидно, что новая власть стабильна, и в декабре 1922 г. руководители основных старообрядческих согласий и толков призвали верующих к лояльности по отношению к ней. В 1923 г. архиепископ Московский и всея Руси Мелетий и епископ Петроградский и Тверской Геронтий выпустили «Архипастырское послание к христианам Древлеапостольской Старообрядческой Христовой Церкви», в котором говорилось: «Теперь, слава Богу, у нас в России утвердилась рабоче-крестьянская власть»⁵⁹. Подобные слова не случайно прозвучали именно в это время. В период нэпа советское правительство, делая вынужденные уступки в экономической и религиозной политике, пыталось расширить свою социальную базу, прежде всего среди крестьянства.

Используя появившиеся возможности, члены Громовской общины смогли в 1923 г. добиться официальной регистрации основанного в марте 1922 г. Петроградского старообрядческого братства имени протопопа Аввакума. До революции 1917 г. в Петрограде уже имелось братство поповцев Белокриницкого согласия святых Петра и Павла, а в Москве — братство Честного Креста, но после Октябрьской революции они прекратили свое существование. Инициаторами создания нового, преимущественно молодежного братства стали в основном бывшие ученики начальной школы при Чубыкинской богадельне: сын епископа Геронтия Геннадий Григорьевич Лакомкин, Леонид Павлович Кирпичев, Алексей Петрович Чунин, Павел Михайлович Харитонов и сын настоятеля Покровской церкви Константин Васильевич Космачев. Еще до организации братства они, по свидетельству Г. Г. Лакомкина, неоднократно собирались и обсуждали «цели и задачи древних старообрядческих братств и разработали методы работы по объединению старообрядческой молодежи с целью укрепления веры и борьбы с атеизмом через изучение религиозных вопросов и организацию кадров определенно настроенных людей с истинно старообрядческими взглядами на жизнь»⁶⁰.

Получив благословение и активную поддержку епископа Геронтия, инициаторы приступили к созданию братства. П. М. Харитонов призвал записываться в его члены после богослужения в Покровском храме Громовского кладбища, а Г. Г. Лакомкин — в храме Воскресения Христова на Воронежской улице. Позднее, на допросе 9 июля 1932 г., Л. П. Кирпичев показал: «В церкви Громовского кладбища, месте наибольшей концентрации наших единомышленников, мы произвели запись членов организации»⁶¹.

В результате в марте 1922 г. в «Петроградское старообрядческое юношеское братство имени протопопа Аввакума» (в 1917 г. Освященный Собор вторично подтвердил канонизацию последнего) записалось около 80 человек (до 45% петроградской молодежи Белокриницкого согласия), тогда же был сформирован первый Совет из 8 членов, в который вошли 5 инициаторов, а также Е. Ф. Николаев, А. Ф. Николаева и Т. И. Языкова, наблюдательный комитет из 3 лиц. Значительную помощь в организационной работе оказал бывший смотритель старообрядческой школы при Чубыкинской бога-

дельне А. В. Колесов. Идейное руководство братством принадлежало епископу Геронтию и священнику Самуилу Фомичеву, которые постоянно участвовали в братских собраниях, выступали на них с докладами и разъясняли собравшимся различные вопросы. Сам Владыка Геронтий на допросе 8 мая 1932 г. показал, что в члены братства не входил, но активно участвовал в его деятельности, «говорил на собраниях поучения и проповеди», а на ежегодно устраиваемых вечерах духовного содержания в день годовщины организации братства протопопа Аввакума «всегда выступал с религиозными поучениями»⁶².

Летом 1922 г. члены братства устраивали воскресные чтения в храме Воскресения Христова, а также провели несколько концертов духовного пения на Громовском кладбище. В августе были созданы 2 кружка: богословско-апологетический под руководством священника Самуила Фомичева (входило 25 человек) и певческий (30 человек), занятия которого проводил протоиерей Харлампий Марков. В сентябре—октябре 1922 г. члены Совета приняли первую попытку легализовать братство и подали заявление о его официальной регистрации в Петрогубисполком, но получили отказ. В этой ситуации руководство Воскресенской общины выселило кружки из своих помещений «из-за опасности от их нелегального существования», некоторое время занятия еще продолжались на Громовском кладбище, но в конце 1922 г. и они прекратились. Тем не менее с осени 1922 г. члены братства стали еженедельно устраивать собрания на квартирах, где обычно читались одна глава Нового Завета и 1–2 доклада. Летом 1923 г. были созданы богословско-апологетический, историко-бытовой и религиозно-философский кружки (в последнем состояли Л. П. Кирпичев, А. П. Чунин, П. М. Харитонов и Е. Ф. Николаев) и началась издательская деятельность братства: нелегально вышли единственный номер журнала «Юный старообрядец» и 4 номера «Религиозно-философских записок». Летом 1923 г. члены Совета планировали также выпустить воззвание к старообрядческой молодежи других городов с призывом организовать братства, но из-за вызова на допросы в ГПУ Г. Г. Лакомкина и некоторых других членов Совета от этой идеи пришлось отказаться⁶³.

Осенью 1923 г., наконец, удалось осуществить официальную регистрацию братства. 7 октября 1923 г. состоялось собрание 38 его членов-учредителей, постановившее принять устав, возбудить ходатайство перед органами власти о разрешении деятельности братства и избравшее двух уполномоченных для этого — Г. Г. Лакомкина и И. А. Коновалова, а также комиссию в составе И. А. Коновалова, В. Т. Хорьковой, И. П. Зинина и К. В. Космачева для редактирования устава⁶⁴. 17 октября 37 членов-учредителей Петроградского старообрядческого братства имени протопопа Аввакума (слово «юношеское» убрали из названия) подали в отдел управления Петрогубисполкома заявление об утверждении этой организации, в котором подчеркивали: «Русская церковь в XVII веке пережила страшную ломку под воздействиями стремящихся к светскому господству патриарха Никона и к всемирному владычеству царя Алексея Михайловича. Эта ломка расколола Русскую церковь на две части: одну, гонимую и притесняемую, но верную древним устоям церкви —

церковь, обычно называемую старообрядческой, и другую, которая имела во главе гордого патриарха и властолюбивого царя, но отступила от древнего православия — обычно называют православной. Но старообрядчество, несмотря на костры, пытки, тюрьмы и ссылки своих передовых вождей, несмотря на то что не имело никакой поддержки от правительства, продолжало жить и развиваться, укрепляться и процветать. Оно сохранило в памяти народной принципы выборности духовенства, членов совета общин и других должностных лиц своей среды. Чиновники и духовенство правительственной церкви хотели заглянуть и в самую душу старообрядческого народа, требуя хотя бы формального исполнения предписаний правительственной церкви, переманивая к себе обещаниями, наградами и предложениями службы различных неблагонадежных членов нашей старообрядческой церкви, угрозами, пытками и подкупом добываясь разнообразных сведений о внутренней жизни и событиях в ней. Но несмотря на это, старообрядчество сохранило свою свободу и независимость от государственного влияния и было постоянным и настойчивым в своих ходатайствах о полной религиозной свободе и о невмешательстве царского правительства в религиозные дела нашей церкви. Изучение этого быта и внутренних побуждений к этой беспримерной стойкости старообрядцев и составляет цели учреждаемого общества.

Теперь, когда из памяти народной и от истории все более и более ускользают сведения о жизни и гонениях старообрядчества со стороны правительственной церкви, имеется насущная потребность в утверждении выше названного братства. И теперь, когда человек все хочет знать, важно не только осветить внешние события из жизни старообрядчества, но интересно найти те первые причины, которые заставляли их жить и действовать славным и беспримерным образом. Вот главные причины, которые заставляют нас обратиться к Петрогубисполкому за разрешением деятельности братства имени протопопа Аввакума, первого и стойкого борца против властолюбивого царя и патриарха. Надеемся, что часть русского народа, строго охраняющая свою церковную самобытность и постоянно отмежевывающуюся от внешних и внутренних врагов народа и его народной власти, не встретит со стороны Петрогубисполкома препятствий для утверждения вышеназванного общества»⁶⁵.

К заявлению были приложены список членов-учредителей братства из 50 человек, анкеты уполномоченных Коновалова и Лакомкина, справка о месте деятельности братства (Петроград), месте и времени собраний (по воскресеньям и четвергам на Громовском кладбище), а также устав братства, в котором отмечалось: «Петроградское старообрядческое братство имени протопопа Аввакума имеет целью объединение в г[ороде] Петрограде старообрядцев, интересующихся вопросами быта, истории и вероучения старообрядчества, а также научную разработку относящихся к этим областям вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам братства в общественной среде». Для осуществления целей братства предполагалось заслушивать и обсуждать доклады, устраивать публичные чтения, диспуты и т. п., собирать коллекции и материалы, организовывать поездки и экскурсии, создавать библиотеки, печатать свои труды, проводить

съезды и т. д. После месячного рассмотрения устав был зарегистрирован отделом управления Петрогубисполкома и 14 ноября внесен в реестр обществ и союзов⁶⁶.

25 ноября в храме Воскресенской старообрядческой общины на углу Воронежской улицы и Сайкина переулкa состоялось 1-е официально разрешенное общее собрание членов братства, на котором присутствовали 46 учредителей и 34 человека, желавших вступить в братство. В 1-й части собрания были заслушаны доклад Г. Г. Лакомкина о настоящем положении старообрядчества, доклад уполномоченных по легализации братства, об утверждении устава и приветственные слова А. Ф. Николаевой, О. И. Забаловой и Е. Ф. Николаева. Далее участники собрания постановили внести небольшие изменения в устав, приняли 16 новых действительных членов братства, выбрали совет из 7 членов и 4 кандидатов, избрали председателем совета К. В. Космачева, его заместителями И. А. Коновалова и Е. Ф. Николаева, секретарем А. П. Чунина, казначеем А. И. Ларионова, одобрили инструкцию ревизионной комиссии и избрали эту комиссию из 3 членов и 2 кандидатов. Кроме того, было решено установить обязательные ежемесячные членские взносы «по воле каждого лица»⁶⁷.

С декабря 1923 г. совет братства ежемесячно предоставлял в административный отдел Петрогубисполкома (Ленгубисполкома) отчеты о своей деятельности, выписки из кассовой книги и списки вступивших в братство, а также периодически высылал анкеты членов совета, общие списки официально принятых членов братства (в январе 1924 г. их было 64: 63 старообрядца и 1 лютеранин) и протоколы общих собраний⁶⁸. Первый отчет совета братства за ноябрь 1923 г. был послан 5 декабря, второй — 8 января. В них говорилось о проведении 10 собраний, на которых были заслушаны 15 докладов, кроме того, приобреталась старообрядческая литература, учебные пособия, и 25 декабря совершено богослужение памяти протопопа Аввакума. Первое (не считая общербратского, проведенного 25 ноября) собрание состоялось 2 декабря; на нем был заслушан доклад «О причинах разделения Русской Церкви». В дальнейшем было решено проводить зимой собрания 2 раза в неделю в помещении Воскресенской старообрядческой общины на Воронежской улице, а летом — 1 раз в неделю. С июня 1924 г. собрания в основном проходили в конторе на Громовском кладбище, помещение которой предоставлял настоятель Покровской церкви о. Василий Космачев⁶⁹.

Сохранившиеся в архиве отчеты совета братства за ноябрь 1923 — июнь 1926 г. свидетельствуют, что за это время были проведены почти 200 собраний и заслушаны около 250 докладов, а также устроены 3 братских вечера памяти протопопа Аввакума. В течение 1924 г. в братство вступили официально 12, в 1925 г. — 14, а в 1-й половине 1926 г. — 4 новых члена. В январе 1926 г. список членов братства включал уже 100 человек, в том числе 5 единоверцев и 1 лютеранина (хотя старообрядческую молодежь Белокриницкого согласия старались уберечь от влияния беспоповцев и единоверцев). Доходы братства, согласно кассовым отчетам, были небольшие, за 1925 г. поступило 118 рублей членских взносов (ежемесячные взносы членов братства

составляли от 20 копеек до одного рубля), было израсходовано 130 рублей, в том числе на содержание и образование сироты, братского воспитанника, 74 рубля (он содержался с мая 1924 г.), на поездку делегатов от братства в июне 1925 г. на Освященный Собор в Москву — 10 рублей, на совершение богослужения памяти протопопы Аввакума — 5 рублей и т. д.⁷⁰ Для покрытия чрезвычайных расходов периодически выпускались специальные подписные листы «на усиление средств братства» и на некоторые виды работ организации через епископа Геронтия отчислялись деньги из епархиальных сумм, собранных не только ленинградскими, но и ржевской, тверской и другими общинами (эти средства не отражались в официальной отчетности)⁷¹.

Легализация братства позволила существенно расширить его состав и активизировать деятельность. Часть этой деятельности — работа богословско-апологетического, историко-бытового, религиозно-философского кружков, подготовка и выпуск печатных изданий. Главным печатным органом организации был журнал «Голос братства», который выходил до 1926 г. примерно 1 раз в 2 месяца и размножался на пишущих машинках до 6 экземпляров. В 1924 г. увидел свет машинописный сборник «Духовные стихи», составителями которого были протодиакон Онисим Цветков и Харлампий Марков, а также дочь последнего Стефанида (в 1924–1929 гг. счетовод конторы Громовского кладбища). Позднее, в 1926–1927 гг., руководители братства протопопы Аввакума попытались легально издать сборник старообрядческих духовных стихов, но Главлит Ленинградской области не разрешил этого делать, и сборник вновь пришлось выпустить в машинописном виде⁷².

Летом 1923 и летом 1924 г. на Громовском кладбище нелегально работал кружок по обучению детей Закону Божию, который посещали 10–12 человек. Преподавателями были Г. Г. Лакомкин и А. П. Чунин; последний в 1927 г. даже привлекался к судебной ответственности за обучение религиозным знаниям несовершеннолетних, но был оправдан⁷³. В 1924 г. братство выпустило и распространило воззвание к родителям с призывом обучать и воспитывать детей в религиозном духе: «Вы, отцы и матери. Неужели вы не видите ваших детей, стоящих на краю гибели? Девятый вал бушующего безбожия угрожает захлестнуть их. Отцы и матери погибающих детей, почему вы не спасаете их? Для спасения их нужна поддержка»⁷⁴.

Стремясь усвоить навыки полемики с безбожниками, некоторые члены братства ходили в православные церкви слушать проповеди известных проповедников (о. Н. Заборовского и др.), на собрания сектантов, диспуты о вере (в частности, между наркомом просвещения А. В. Луначарским и обновленческим «митрополитом» Александром (Введенским)). Посещали они и антирелигиозные лекции, пытаясь сорвать их полемикой с докладчиками. Таким образом, например, было сорвано выступление лектора И. Степанова в рабочем клубе имени Самойловой. За эту акцию ее организатор Г. Г. Лакомкин был исключен из Ленинградского университета⁷⁵.

Летом 1923 и 1924 гг. в северную столицу тайно приезжал и некоторое время в ней жил знаменитый духовный писатель-апологет, старообрядческий начетчик, профессор богословия Ф. Е. Мельников, который еще при жизни

был известен как «апостол Белокриницкой иерархии». В это время он жил на нелегальном положении, скрываясь от преследований органов советской власти. Мельников сыграл определенную роль в становлении братства протопopa Аввакума, хотя и не был, как потом утверждали сотрудники ОГПУ, его основоположником. Он прочел на двух братских собраниях свои произведения о духе и споре между верующими и атеистами, на специальной встрече с руководителями братства одобрил рассказанные ему цели братства и его работу, высказав некоторые предложения для дальнейшего развития, в частности пожелание о создании апологетического братства — монашеской общины. Мельников был сторонником ограниченного участия мирян в делах Церкви, что не нравилось большинству членов братства⁷⁶. В 1925 и 1926 гг. Ф. Е. Мельников, скрывавшийся тогда от агентов ОГПУ под Новгородом, еще несколько раз нелегально приезжал в Ленинград, специально для проведения собраний руководителей братства протопopa Аввакума. Проходили эти собрания на квартире Николаевых и, по свидетельству протоиерея Василия Космачева, Мельников выступал на них «с докладами о роли и задачах организации»⁷⁷.

28 декабря 1924 г. в храме Воскресения Христова на Воронежской улице состоялось 2-е распорядительное общее собрание членов братства, на котором присутствовали 97 человек, в том числе 38 имеющих право голоса. На собрании был заслушан доклад председателя совета К. В. Космачева, утвержден зачитанный Г. Г. Лакомкиным отчет о деятельности братства за 1923–1924 гг., признана правильной финансовая отчетность за 1923–1924 гг., принят к сведению акт ревизионной комиссии, избраны действительными членами братства хорошо проявившие себя 10 членов-сотрудников, из устава братства исключен пункт 21 о прекращении существования братства в случае неопубликования в трехмесячный срок отчета о его годичной деятельности, избраны 7 членов совета братства и 2 кандидата, председателем совета единогласно избран П. М. Харитонов⁷⁸ и оставлена в прежнем составе ревизионная комиссия под председательством И. Г. Лакомкина⁷⁹. Следует упомянуть, что среди руководителей братства в январе 1925 г. произошел раскол: К. В. Космачев, Л. П. Кирпичев и некоторые другие члены временно вышли из его состава («из-за излишнего возвеличивания братства», т. е. из-за попытки превратить его в своеобразный всесоюзный центр старообрядческого молодежного движения)⁸⁰. 20 января 1925 г. совет братства в соответствии с решением общего собрания, обратился в административный отдел Ленгубисполкома с просьбой исключить из устава пункт 21, и на следующий день Межведомственная комиссия при административном отделе приняла соответствующее постановление⁸¹.

Интересные сведения содержит составленный 31 декабря отчет о деятельности братства за 1925 г. После обширной исторической части о возникновении и почти трехвековой деятельности старообрядцев в отчете отмечалось: «Ленинградское старообрядческое братство имени протопopa Аввакума поставило своей задачей постараться объединить в своей среде тех из старообрядцев Ленинграда, которые интересуются вопросами быта, истории и вероучения

старообрядчества. С разрешения правительственных органов братство начало вести и ведет скромную работу в направлении пробуждения в общественной среде интереса к вышеупомянутой своей задаче. Братство устраивает собрания своих членов для совместного обсуждения основ духовной жизни старообрядчества и текущих дел братства. Братство руководит научной разработкой членами у себя дома различных вопросов старообрядческой культуры и распространяет соответствующие сведения о старообрядчестве и братстве в среде старообрядцев.

В истекшем году братство устроило 72 очередных собрания. Собрания происходили 2 раза в неделю, обычно по четвергам и воскресеньям. Четверговые собрания состояли в совместном заслушивании и обсуждении докладов членов братства, воскресные же только в заслушивании докладов без их обсуждения. Собраний первого рода в истекшем году было 50, вторых — 22. Средняя цифра посещаемости собрания была такова: четверговые собрания — 28 человек, воскресные — 95 человек. Доклады, заслушивавшиеся на очередных собраниях, были в большинстве своем разработаны самими членами братства, и только некоторые из них делались особо приглашенными для этого лицами, за труд которых братство приносит им искреннюю благодарность. Таким образом, члены братства проявили хорошую активность в разработке вопросов из области вероучения, быта и истории старообрядчества, и всякий старообрядец, присутствуя на собрании братства, мог всегда услышать истинно правдивое слово о старообрядчестве, его идеях и значении...

Членский состав братства к концу отчетного года выразился цифрой в 100 человек: действительных членов 68 человек, членов-сотрудников — 32. Вновь вступивших членов сотрудников, принятых советом братства в истекшем году, — 17. Из принятых общим собранием 25/XI 1923 г. действительных членов братства 8 человек дали совету необходимые о себе сведения и были им внесены в список членов братства. Таким образом, число членов братства за 1925 г. увеличилось на 25 человек, т. е. на 33%...

Помещения под устройство собраний были благосклонно предоставляемы каждый раз братству советами Громовской и Воскресенской старообрядческих общин, которым братство выражает искреннюю признательность. Благодарит братство и всех других лиц, так или иначе содействовавших успешной братской деятельности. Особенно же признательно оно старообрядцам гор[ода] Ленинграда, посещавшим братские собрания, т[ак] к[ак] эти посещения давали братству уверенность, что производимая им работа, хотя и невелика, все же не пропадает бесследно, приносит пользу старообрядцам. Пусть эта работа будет и впредь полезна для старообрядцев, и верим, что молитвами своего покровителя — великого борца за старообрядчество протопопа Аввакума — братство в будущем году также плодотворно будет вести свою скромную работу по объединению старообрядчества, как вело в году истекшем. Члены же братства пусть не жалеют своих сил, но по-прежнему стремятся понять те идеалы, за которые боролись и умирали на кострах наши гонимые и преследуемые предки — старообрядцы. Да будут они такими же твердыми и стойкими»⁸².

3 января 1926 г. в храме Воскресения Христова в Сайкином переулке состоялось 3-е распорядительное общее собрание членов братства, на котором присутствовали 98 человек, в том числе 68 имеющих право голоса. В ходе работы собрания были заслушаны доклад заместителя председателя совета Е. Ф. Николаева и приветственная речь переехавшего в город Боровск Московской губернии председателя братства П. М. Харитонов, утвержден зачитанный Г. Г. Лакомкиным отчет о деятельности братства за 1925 г., признана правильной финансовая отчетность за 1925 г., избраны действительными членами братства хорошо проявившие свою активность 10 членом-сотрудников, 7 членом совета братства и 2 кандидата, председателем совета избран Е. Ф. Николаев (секретарем совета снова стал Г. Г. Лакомкин), переизбраны 3 члена ревизионной комиссии и 1 кандидат, совету предложено усилить приток братских средств, признана необходимость устроить уголок-читальню, а также рассматривался ряд других вопросов⁸³.

Уже вскоре, 7 марта 1926 г., прошло экстренное общее собрание членов братства, которое постановило принять и утвердить выработанный советом братства применительно к требованиям гражданской власти новый устав, а также принять к сведению приветственное письмо Томской старообрядческой общины⁸⁴. Последние сохранившиеся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга отчетные документы братства имени протопопы Аввакума датированы 7 июля 1926 г. (с этого года от членов братства стали требовать обязательного ведения церковно-общественной работы).

К этому времени члены братства попытались организовать и возглавить широкое общербратское движение в старообрядческой Церкви. Еще в 1924 г. на епархиальном съезде Ленинградско-Тверской епархии было признано необходимым создавать молодежные братства в других населенных пунктах. В этой связи руководители братства протопопы Аввакума написали обращение, в котором говорилось: «Для Церкви Христовой еще раз наступил трудный момент. Она вступила в полосу гонений. Организация старообрядческих братств с целью подготовки к борьбе с безбожием и иноверием была необходима. Наступил благоприятный момент... народ стоит с недоумением, он видит, что безбожие ведет не к лучшему, а к худшему. Русский народ в настоящее время ждет помощи от религии, ждет ее слова... Перед нами стоит величайший враг. Да не подумают, что с таким врагом братства бороться не смогут. Мир разлагается. Надо объединиться, надо записаться... сейчас, пока мы еще не сидим в подполье. Старые пусть дадут опыт, молодые дадут свой труд и силы. Время не ждет»⁸⁵.

Призыв не остался без ответа. За короткое время в старообрядческой Церкви Белокриницкого согласия возникло 11–12 братств: Честного Креста во Ржеве, св. Николы в Калуге, св. Даниила Костромского в селах Золотилово и Стрельниково Костромской губернии, Воскресения Христова на Северном Кавказе, в Киеве, Одессе, Боровске и др. В 1925 г. братство протопопы Аввакума впервые направило своих уполномоченных (Г. Г. Лакомкина, Е. Ф. Николаева и П. М. Харитонов) на Освященный Собор в Москву, где они выступили с докладом о необходимости повсеместной организации подобных

братств, и Собор принял соответствующее постановление. В дни работы Собора представители 8 уже существовавших братств (Ленинграда, Киева, Томска, Ржева, станицы Донской, села Стрельникова, Калуги и Моршанска) провели совещание, на котором был основан «Всероссийский союз старообрядческих братств» (официально не зарегистрированный и фактически нелегальный). Возглавило союз избранное на совещании правление из 5 человек: ленинградцы Г. Г. Лакомкин, Л. П. Кирпичев, П. М. Харитонов, а также М. П. Болотников и ржевский священник Андрей Попов. Главную роль во всех делах союза играло братство протопопа Аввакума. Правление союза являлось полностью самостоятельной организацией, хотя и имело связь с Советом Освященных Соборов и Советом при архиепископе Московском и всея Руси, в который входили архиепископ Мелетий, епископ Геронтий, епископ Савва, священник Самуил Фомичев, начетчик А. А. Селезнев, Л. П. Кирпичев (в качестве представителя братства протопопа Аввакума) и др.⁸⁶

Перед правлением была поставлена задача организации старообрядческих братств во всероссийском масштабе и руководство ими. С этой целью Л. П. Кирпичев и Ф. У. Панаев составили «Руководство к созданию старообрядческих братств», которое вместе с уставом братства протопопа Аввакума, правительственными документами о регистрации религиозных обществ и соборным постановлением 1925 г. о братствах несколько раз выпускалось в виде отдельной брошюры. Члены правления установили связь со старообрядческими епископами: Калужско-Смоленским Саввой (Ананьевым), Томско-Алтайским Тихоном (Суховым), Донским Геннадием (Лакомкиным), Минусинским Арсением, Нижегородским Гурием, Семипалатинским Андрианом, Новозыбковским Флавианом и другими, — для создания братств в их епархиях, но далеко не везде встретили понимание (некоторые архиереи, не желая усиления роли мирян, даже мешали этому)⁸⁷.

На Освященный Собор 1926 г. в качестве представителей братства протопопа Аввакума приезжали Кирпичев, Чунин и Гордеев; они не делали специального доклада, но выступали в прениях. На Собор 1927 г. от братства протопопа Аввакума приехали Кирпичев, Ф. У. Панаев и Чунин, причем первые 2 привезли написанные ими брошюры «О причинах неверия» и «Взаимоотношениях между религией и наукой». В этом Соборе участвовали представители лишь 4 братств, которые провели свое совещание и выбрали новый состав правления «Всероссийского союза старообрядческих братств». Однако развернуть свою работу правление из-за усиления репрессий со стороны ОГПУ не смогло. На Освященном Соборе 1928 г. подтвердилась поступавшая в Ленинград информация о распаде большинства братств (от них остались небольшие нелегальные группы желавшей объединения старообрядческой молодежи), вскоре прекратил существование и «Всероссийский союз старообрядческих братств»⁸⁸.

Участвуя в работе Освященных Соборов 1925–1928 гг., представители братства протопопа Аввакума вели активную борьбу за расширение участия мирян в церковном управлении и добились в этом определенных успехов. Кирпичев позднее отмечал, что они бы, вероятно, сломали сопротивление

части архиереев, если бы правительство разрешило проведение Соборов в 1929 и 1930 гг. Он же на допросе в мае 1932 г. показал: «Роль Москвы, которая до революции была первостепенной, после революции сошла на нет и на церковно-общественной жизни мест совершенно не отражалась. Ленинградцы Москвой были (и остаются быть) недовольны и льстили себя надеждой, что Ленинград станет на место Москвы и делается вторым центром». Таким образом, в 1924–1929 гг. руководители братства протопопа Аввакума, согласно их утверждениям, стремились сделать его идейным и практическим центром церковно-общественной жизни старообрядцев-поповцев не только в Ленинграде, но и в других районах страны⁸⁹.

Активно участвовали члены братства и в жизни Громовской общины. Согласно справкам в списке действующих церквей Московско-Нарвского района 1924–1925 гг., имущество этой общины оценивалось почти в 2552 рубля, Покровской каменной церкви — в 1456 рублей 27 копеек и Покровской (Успенской) деревянной церкви на Старообрядческой улице — в 16 580 рублей 40 копеек. В этих храмах служили 4 священника, в составе «двадцатки» числились 10 рабочих, 5 служащих и 6 «прочих»⁹⁰. 31 марта 1926 г. совет Громовской общины представил городским властям справки о том, что 15 женщин-инвалидов, проживающих в богадельне на Старообрядческой улице, содержатся на призрении прихожан общины, Охотина Екатерина Дмитриева состоит сторожем при общине, а Чернов Иван Алексеевич — дворником при Громовском кладбище⁹¹.

Согласно справке Ленгубфинотдела от 14 апреля 1926 г., в общинном доме проживали 83 человека, из них 20 рабочих и служащих, 9 имевших самостоятельный доход и 54 не имевших такого дохода, в том числе священники Самуил Фомичев, Василий Космачев, диакон Харлампий Марков, епископ Геронтий (Лакомкин) и 14 женщин-инвалидов «в общей комнате в виде богадельни», полностью содержавшихся на средства Громовской общины (это были последние найденные сведения о существовании в Ленинграде старообрядческой богадельни)⁹².

(Продолжение в № 1/2(25/26) за 2012 г.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исторические кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель / Сост.: А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. СПб., 1993. С. 426.

² Там же.

³ Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. Т. 3. СПб., 1996. С. 205.

⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб), ф. 7383, оп. 1, д. 25, л. 21; Шульц С. С. Храмы Санкт-Петербурга: История и современность. СПб., 1994. С. 222.

⁵ Яковлева Е. Старообрядческая церковь в Транспортном переулке, 5 // Старообрядцы Санкт-Петербурга. СПб., 2005. С. 91–94.

- ⁶ Еще в 1864 г. император Александр II утвердил «Правила о старообрядцах», согласно которым старообрядцам различных толков, лояльным к светской власти, разрешалось свободно отправлять богослужение, открывать школы, занимать общественные должности и т. п. В 1883 г. был принят закон, позволявший старообрядцам «творить общественную молитву, исполнять духовные требы, совершать богослужения как в частных домах, так равно в особо предназначенных для сего зданиях» (Устав о предупреждении и пресечении преступлений, ст. 48). Однако полное снятие ограничений со старообрядцев произошло только в царствование императора Николая II. 17 апреля 1905 г. был издан манифест «Об укреплении начал веротерпимости», позволявший распечатать ранее закрытые молитвенные дома. Наконец, именным Высочайшим указом от 17 октября 1906 г. старообрядцам была предоставлена свобода исповедания их веры и разрешено образование религиозных общин (*Пивоварова Н.* Памятники старообрядческой культуры в музеях Санкт-Петербурга (по материалам выставки «Религиозный Петербург») // *Старообрядцы Санкт-Петербурга.* С. 12–13).
- ⁷ *Бедник Н.* Чубыкинская богадельня // *Старообрядцы Санкт-Петербурга.* С. 36–37.
- ⁸ *Шульц С. С.* Указ. соч. С. 222; *Антонов В. В., Кобак А. В.* Указ. соч. С. 203–204; *Церковь.* 1909. № 3. С. 103–104.
- ⁹ *Бедник Н.* Указ. соч. С. 37–38; *Церковь.* 1909. № 3. С. 103.
- ¹⁰ *Бедник Н.* Указ. соч. С. 38–39.
- ¹¹ Там же. С. 39–41; *Церковь.* 1913. № 19. С. 469; 1914. № 1. С. 24.
- ¹² *Церковь Воскресения Христова на Глазовой улице* // *Старообрядцы Санкт-Петербурга.* С. 33–34; *Церковь.* 1909. № 12. С. 422, 1912. № 32. С. 757.
- ¹³ *Петроградско-Тверская епархия* // *Старообрядцы Санкт-Петербурга.* С. 53.
- ¹⁴ *Фирсов С. Л.* *Церковь в империи: Очерки из церковной истории эпохи императора Николая II.* СПб., 2007. С. 148–160.
- ¹⁵ *Чунин Г., иерей.* *Святитель Геронтий, епископ Петроградский и Тверской.* СПб., 2009. Рукопись. С. 1.
- ¹⁶ Там же. С. 2–3.
- ¹⁷ Там же. С. 3–4.
- ¹⁸ *Огонек (Москва).* 1912. № 14. С. 6.
- ¹⁹ *Храм Покрова Пресвятыя Богородицы на Громовском кладбище* // *Старообрядцы Санкт-Петербурга.* С. 27.
- ²⁰ *Слово Церкви.* 1915. № 1. С. 28; № 2. С. 55; № 9. С. 221–222.
- ²¹ ЦГА СПб, ф. 8778, оп. 1, д. 50, л. 18.
- ²² *Исторические кладбища Петербурга.* С. 427; *Антонов В. В., Кобак А. В.* Указ. соч. С. 205.
- ²³ *Родина.* 1990. № 9. С. 76.
- ²⁴ *Данилушкин М. Б., Никольская Т. К., Шкаровский М. В. и др.* *История Русской Православной Церкви: Новый Патриарший период.* Т. 1. 1917–1970. СПб., 1997. С. 690.
- ²⁵ ЦГА СПб, ф. 143, оп. 1, д. 123, л. 68–69; ф. 7384, оп. 33, д. 251, л. 15.
- ²⁶ Там же, ф. 8778, оп. 1, д. 50, л. 41.
- ²⁷ *Северная Коммуна.* 1918. 8 августа; ЦГА СПб, ф. 56, оп. 4, д. 19, л. 12–12 об.; ф. 143, оп. 1, д. 67, л. 237.
- ²⁸ ЦГА СПб, ф. 8778, оп. 1, д. 50, л. 1.
- ²⁹ Там же, ф. 104, оп. 2, д. 7, л. 66.
- ³⁰ Там же, ф. 8778, оп. 1, д. 50, л. 2, 4.
- ³¹ Там же, л. 3.

- ³² Там же, л. 8, 43–44; Архив Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – АУФСБ СПб ЛО), фонд архивно-следственных дел, д. П–79521, т. 3, л. 292.
- ³³ ЦГА СПб, ф. 8778, оп. 1, д. 50, л. 22–26 об.
- ³⁴ АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П–79521, т. 1, л. 213.
- ³⁵ *Чунин Г., иерей*. Указ. соч. С. 4.
- ³⁶ ЦГА СПб, ф. 8778, оп. 1, д. 50, л. 27–28.
- ³⁷ Там же, л. 45.
- ³⁸ Там же, л. 41, 45; АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П–79521, т. 1, л. 196.
- ³⁹ ЦГА СПб, ф. 8778, оп. 1, д. 50, л. 31.
- ⁴⁰ Там же, л. 29–29 об.
- ⁴¹ Там же, л. 31–31 об.
- ⁴² Там же, л. 32.
- ⁴³ Там же, л. 33.
- ⁴⁴ Там же, л. 34, 36.
- ⁴⁵ Там же, л. 38–39.
- ⁴⁶ Там же, ф. 104, оп. 2, д. 2, л. 1; ф. 8378, оп. 1, д. 72, л. 56–56 об.
- ⁴⁷ Там же, ф. 8378, оп. 1, д. 72, л. 50.
- ⁴⁸ Там же, л. 41–45, 48–68.
- ⁴⁹ Там же, л. 46, 69–69 об.; ф. 1001, оп. 7, д. 44, л. 15 об.
- ⁵⁰ Там же, ф. 8378, оп. 1, д. 72, л. 70; ф. 104, оп. 2, д. 7, л. 66.
- ⁵¹ Там же, ф. 8378, оп. 1, д. 72, л. 72.
- ⁵² Там же, л. 73.
- ⁵³ Там же, л. 74.
- ⁵⁴ АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П–79521, т. 2, л. 525.
- ⁵⁵ ЦГА СПб, ф. 104, оп. 2, д. 1, л. 24, 65, 83; д. 3, л. 1–2, д. 7, л. 66, 22–22 об.
- ⁵⁶ Там же, ф. 8378, оп. 1, д. 72, л. 71.
- ⁵⁷ Там же, л. 76.
- ⁵⁸ Там же, л. 77–78.
- ⁵⁹ *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 263.
- ⁶⁰ АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П–79521, т. 1, л. 6–7.
- ⁶¹ Там же, л. 121.
- ⁶² Там же, л. 217–218.
- ⁶³ Там же, л. 92–93.
- ⁶⁴ ЦГА СПб, ф. 1001, оп. 8, д. 60, л. 11.
- ⁶⁵ Там же, л. 1–1 об.
- ⁶⁶ Там же, л. 2–10.
- ⁶⁷ Там же, л. 15–16 об.
- ⁶⁸ Там же, л. 18–22.
- ⁶⁹ Там же, л. 34–35, 53.
- ⁷⁰ Там же, л. 12–14, 23–68, 71–107, 115–121, 128 об., 157–161.
- ⁷¹ АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П–79521, т. 4, л. 318.
- ⁷² Там же, л. 11.
- ⁷³ Там же, т. 1, л. 8–9, 95.
- ⁷⁴ Там же, т. 4, л. 320.
- ⁷⁵ Там же, т. 1, л. 94, 127.
- ⁷⁶ Там же, л. 93.
- ⁷⁷ Там же, т. 3, л. 272–273.
- ⁷⁸ ЦГА СПб, ф. 1001, оп. 8, д. 60, л. 117.

ИЗ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА

- ⁷⁹ ЦГА СПб, ф. 1001, оп. 8, д. 60, л. 69–70 об.
- ⁸⁰ АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П–79521, т. 1, л. 96.
- ⁸¹ ЦГА СПб, ф. 1001, оп. 8, д. 60, л. 36, 39.
- ⁸² Там же, л. 127–128.
- ⁸³ Там же, л. 123–124 об.
- ⁸⁴ Там же, л. 139.
- ⁸⁵ АУФСБ СПб ЛО, фонд архивно-следственных дел, д. П–79521, т. 4, л. 315.
- ⁸⁶ Там же, т. 1, л. 9–10.
- ⁸⁷ Там же, л. 99.
- ⁸⁸ Там же, л. 101.
- ⁸⁹ Там же, л. 38, 42, 100.
- ⁹⁰ ЦГА СПб, ф. 104, оп. 2, д. 1, л. 82; д. 2, л. 78; д. 7, л. 1 об.– 2, 5 об.
- ⁹¹ Там же, ф. 1963, оп. 180, д. 4361е, л. 288, 290, 293.
- ⁹² Там же, л. 283, 294–302, д. 4358е, л. 174–182.